

«Чтобы память попирала смерть», – таков смысл книги стихов, обращение к теме вечных полей русской славы: Куликовому, Бородинскому, Буйническому, Прохоровскому, полям битв на Курской дуге.

Куликовец Андрей Шацков, рукой которого действительно руководило высокое вдохновение, во вступительной части своей поэтической книги «Опять над Полем Куликовым» обращается к пророческим словам Александра Блока, назвавшего битву «символическим событием русской истории, которым суждено возвращаться...», потому что силам зла нестерпим свет России, над которой простирает свой покров Богородица, приснившаяся Блоку: «Ты сошла в одежде, свет струящей, не спугнув коня», пришедшая во сне поэту Шацкову, благословив на стихи о Куликовом поле. Она стояла в свой день Святого Рождества над Куликовым полем, её образ появился в небе перед началом штурма Кёнигсберга и взятия его Красной армией 9 апреля 1945 года.

Мои далёкие предки принимали участие в Куликовской битве в составе Ярославского полка. В памяти проносятся святые имена Дмитрия Донского и Сергия Радонежского, богатырей духа: Пересвета и Осляби, Микулы Вельяминовича, Дмитрия Боброва-Волынского, Дмитрия Ростовского, сражавшегося в полку Правой руки, и многих, многих других.

Энергии Куликова поля протекают через века, через победу в войне 1812 года, в Великой Отечественной войне, в водружении флага России над зданием Белого Дома в Чечне, которое совершил морской пехотинец гвардии майор Александр Николаевич Плющак в 1995 году, через грядущие и настоящие победы, приближаемые такими людьми, как герой Донбасса и всей России, командир отдельного разведывательного батальона «Спарта» Владимир Жога...

«Будет Русь от поганых чиста»

В главе «На поле Куликовом» Андрей Шацков в монологе Ивана Красного, отца Дмитрия Донского, передаёт отцовский завет сыну. В русской литературе было много отцовских заветов сыновьям: пушкинский – «береги честь смолоду», бунинский – «остерегайся уныния»; Дмитрия Донского отец наставляет: не остудить души, «не опогань её пустяшным страхом», помни о «тяжести Мономахова убора», о «княжеской крови».

И вот август 1380 года, когда закричали вороны за Доном, замутили воду сомы под обрывом, «заполыхал горизонт кумачово».

*...Всё ближе гремит путевой бубенец.
Весь в пыли и в дорожной невысохшей грязи,
С волчьих бродов несётся усталый гонец
Упредить о нашествии Дмитрия-князя.*

Августовские звёзды застучали, «словно дождь по крыльцу», увиделись «тропы от дома до Дона», «узорчатые стяги», «в серебряных росах легли ковыли под размашистым конного воинства шагом», потому что нет большей благодати для Руси, чем «вольное синее небо», и мудрец Сергей Радонежский предстаёт в молитве с князем перед Святой Троицей... Возвещают святые уста:

*– Разорвутся ордынские верви!
Будет Русь от поганых чиста!
...Задумчив стоит Пересвет
В преддверии славы великой.*

Святая, нетленная дата – 8 сентября. Поэт ежегодно в первые семь дней сентября и сам чувствует энергии Куликовской битвы, видит себя во снах на поле боя, слышит ханский бубен, видит наёмников из Феодосии, одетых во всё чёрное, чувствует холод свинцовой воды Непрядвы,

*Но Богородица простёрла
Незримый оку омофор
И... чёрной птицей мимо горла
Стрела промчалась на простор.*

Он помнит о страшных ценах за Победу, за свободу, «когда считать мы стали раны, товарищей считать»...

*Каким мне ключом запереть
Границу от края до края?
Россия – вселенская твердь,
Отнюдь не преддверие рая.
Застыли в углу образа
Небесным, летучим отрядом.
И сын поднимает глаза
И смотрит внимательным взглядом.
И дланью обнял рукоять.
Расслышав отцовское слово:
«Рождённым в России – опять
Средь поля стоять Куликова!»*

Художественное видение Андрея Шацкого отзывается в сердце православного человека. «Мы все стали очевидцами и непосредственными участниками мировой битвы добра со злом, – пишет поэт и прозаик из Донецка Валерий Герланец о наших днях. – Многие годы зло скрывалось под человеческой личиной, поучая остальных демократическим принципам, правам человека, показному миролюбию. Но потом оно явило миру своё подлинное лицо, лютую русофобию и звериную агрессивность.

Но силам зла, даже вселенским, никогда не одолеть сил добра – ни в сказках, ни в реальности. Ситуация сложная, такой не было ещё на Земле никогда, но завершится она полной победой русской цивилизации и православия, потому что Правда и Бог на нашей стороне. В это надо верить, за это – молиться».

«И синь дождя стекала павшим в очи»

Вторая глава «Сказов о Куликовом поле» написана «во славу русского оружия и памяти старшего сына Дмитрия», выдающегося тренера ЦСКА, умершего от сердечного приступа на 37-м году жизни.

*Сентябрь пригож, и так прекрасна Русь
Сим, наступившим впору бабьим летом,
Что я никак с тобой не соберусь
В дорогу, сын, за нашей славой следом.*

Лирический герой «Сказов...» сливается мысленно с отцами сыновей, оставшихся на ратных полях русской славы. У православных отношение к смерти не как к концу, а к началу вечной жизни. Если Бог есть, то смерти нет. Образные ассоциации ведут к современности, к жизни и смерти Владимира Жоги, отцу которого Артёму Владимировичу президент России вручил Звезду Героя России 9 Мая. Прадед Владимира Жоги был участником Великой Отечественной войны, брал Кёнигсберг, был артиллерийским разведчиком. Владимир стал полковым разведчиком, командиром батальона.

*Были одним подобьем,
Как две слезы с лица.
Стал он моим подобьем –
Смертным грехом отца.
...а над Русью в стае облаков
Вспыхнет омофора позолота.
Зазвонит печаль колоколов
Димитровской родительской субботы.*

Судьбы народа и судьбы отдельных людей сплетены в единую цепь «За други своя» там, где Дух Святой дышит, в простых сердцах Бог поживает. С этой верой живут на Донбассе. Вот что пишет поэт Людмила Гонтарева из Краснодона: «Слова поддержки – это действительно нужно сегодня всем нам, живущим на Донбассе. К сожалению, нам кажется, что Победа не будет быстрой. А насколько она кровопролитна, мы уже убедились. Я живу в тылу – в Краснодоне, но в нескольких десятках километров не смолкают залпы орудий. К нам в школы завезли беженцев из наших же городов Луганщины, где сейчас жить невозможно... Ещё в феврале были мобилизованы практически все мужчины 18–55. В моём небольшом педколлективе уже две вдовы... Сегодня действительно яркий праздник – День ЛНР, и не хочется говорить о войне, но вот как-то само собой написалось. Мы ведь живём в состоянии войны, а хочется надеяться на хорошее – правильное – её завершение. Мы верим в нашу Победу. Без этой веры нельзя жить».

«И реют хоругви шелковые...»

В третьей части книги Андрей Шацков обращается к Русскому полю, к своей родной земле:

*«Воскреснет Господь, и его расточатся враги...
И встретит со славой вернувшихся впору посад...»
На Русское поле ложатся бывшего шаги,
И реют хоругви шелковые воинства над!*

Поэт вспоминает Захария Тютчева, которого, согласно «Сказанию о Мамаевом побоище», князь Великий Дмитрий Иванович послал к «нечестивому царю Мамаю», Боброка Волынского, увидевшего, как «свет над Русью горит неведомый, а над рогами – темнота».

Горит в сентябре на земле бескрайней Руси Богородицкая трава – душистый чабрец, «Куликово заветное в поросли из чабреца». Язык Шацкова загадочен и непредсказуем. Живое и живущее в его «Сказах» не привязано к быстро текущему времени, оно возвышается над вечной Русью, Россией, а её небесный дух, её красота, где-то наивность и доверчивость – под покровительством Богородицы.

Давно не ощущала такой высоты, какая в книге Андрея Шацкова, как близко душе его поэтическое видение и созерцание, как тепло от родственности с его творчеством, и безбрежная благодарность – за духовное стояние на ратных полях России.